

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

ПЕПЕЛ НАД
ЛОХ-НЕССОМ

18+

Александра Ветрова

Пепел над Лох - Нессом

<https://litres.ru/73821471>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — воин, который поклялся умереть за Шотландию.

Она — женщина, которую война лишила всего.

Им не положено быть вместе. Их кланы враждуют. Их страсть — предательство. Их любовь — единственное, что осталось.

Шотландия, 1746. Каллоден.

Они будут любить друг друга так, будто завтра не наступит.

Потому что в Шотландии 1746 года завтра может и не наступить.

Александра Ветрова

Пепел над Лох - Нессом

ПРОЛОГ

Октябрь 1746 года. Шесть месяцев после битвы при Каллодене.

Вода в Лох-Несс была чёрной, как расплавленный сланец, и холодной, как рука мертвеца.

Я стояла на коленях у самого берега, погрузив руки в эту воду, и смотрела, как кровь смывается с моих пальцев. Кровь не моя. Кровь Дункана МакЛауда, моего двоюродного брата, которого повесили сегодня утром на площади в Форт-Уильяме. Английский судья читал приговор с таким видом, будто речь шла о браконьерстве, а не о жизни человека. «За ношение оружия и принадлежность к мятежному клану». Килт, спинх и волынка — вот три доказательства вины, которых хватило, чтобы оборвать нить рода, восходившего к самому Сомерледу.

Я не плакала. Слезы кончились ещё после Каллодена, когда я видела, как наша земля впитывает шотландскую кровь

быстрее, чем дождь — торфяную воду.

— Элспет.

Голос прозвучал за моей спиной, глухой, как удар камня о камень. Я не обернулась.

— Оставь меня, Ангус.

— Не оставлю. И ты знаешь почему.

Ангус МакТавиш подошёл ближе. Я слышала его шаги — он не умел ступать бесшумно, этот огромный воин с руками, которые сжимали меч ещё до того, как он научился писать своё имя. Он опустился на корточки рядом, и я почувствовала запах торфа и овечьей шерсти, который всегда сопровождал его.

— Твоя рука, — сказал он, взяв меня за запястье. — Ты поранилась.

Я взглянула на свою ладонь. В самом деле, на подушечке большого пальца зиял глубокий порез — осколок стекла, должно быть, когда я рвала на себе воротник, глядя на болтающееся тело Дункана. Или камень. Я не помнила.

— Это ничего, — сказала я, пытаюсь высвободить руку.

Но Ангус не отпустил. Он вытащил из-за пазухи лоскут ткани — грубый, серый, наверное, от его собственной рубашки — и начал перевязывать мой палец. Делал он это неуклюже, с той тяжёлой нежностью, на которую способны только большие мужчины, никогда не знавшие ласки.

— Ты последняя из МакЛаудов в этих землях, — сказал он, не глядя на меня. — Если с тобой что-то случится, клан

умрёт. Не телом — памятью.

— Пусть умирает, — ответила я тихо. — Может, мёртвым нам будет покойнее, чем живым под пятой Георга.

Он поднял голову, и в его глазах — серых, как зимнее небо над Грампианскими горами — я увидела то, что заставляла себя не замечать последние два года. Желание. Глухое, тяжёлое, как предгрозово́й воздух. Желание, которое он прятал за заботой о клане, за дружбой с моим покойным братом, за тысячей мелких предложений быть рядом.

— Не говори так, — произнёс он. — Не смей.

Он отпустил мою руку. Поднялся, резко, будто его подбросило изнутри. Я последовала за ним, стряхивая с юбок песок и мелкую гальку.

Над озером висел туман — плотный, молочный, он полз с воды на берег, укутывая нас в саван. Где-то на противоположной стороне, у подножия холмов, ещё дымились торфяники — их подожгли по приказу английского генерала, чтобы голод довершил то, что начал меч. Запах горелого торфа смешивался с запахом мокрого вереска, и от этой смеси кружилась голова.

— Тебе нельзя оставаться в деревне, — сказал Ангус. — Красные мундиры прочёсывают каждый дом. Они ищут оружие. Ищут мужчин, которые были при Каллодене. Найдут тебя — и что тогда?

— Я женщина.

— Женщина из клана, который поднял меч за принца

Чарли. Для них это одно и то же.

Он говорил правду. Я знала это. В Форт-Уильяме я видела, как английские солдаты выволакивали из хижин девочек лет тринадцати, заподозренных в том, что они прятали своих отцов. Видела, как зажигали дома с живыми людьми внутри — за то, что те укрывали беглецов.

— Куда мне идти? — спросила я. — Все дороги ведут к виселице.

Ангус помолчал. Потом сказал:

— Есть одно место. Замок Гленлит. Он стоит на земле, которую англичане не решились тронуть — слишком древняя, слишком проклятая, говорят. Хозяин умер прошлой зимой, и теперь там только стены и птицы. Я отведу тебя туда.

— Замок Гленлит? — я нахмурилась. — Это же на другом берегу озера. Через Чёрный лес.

— Да. Через Чёрный лес. Там опасно, но не так опасно, как здесь, среди людей, которые продадут тебя за мешок овса.

Я смотрела на него, и в груди у меня разгорался странный огонь — не страх, не надежда, а что-то третье, чему я не знала названия. Ангус был для меня как старший брат. Как скала. Как вещь, на которую можно опереться в любую бурю. И только иногда, в самые чёрные ночи, когда я не могла уснуть от воспоминаний о Каллодене, я ловила себя на мысли: а какво это — быть не просто его опекой, а его женщиной?

Я отгоняла эти мысли как бесовское наваждение. Но сей-

час, стоя на берегу чёрного озера, с запахом дыма и крови в ноздрях, я не смогла отогнать их снова.

— Хорошо, — сказала я. — Веди.

Он кивнул. И, прежде чем я успела опомниться, скинул с плеч свой тяжёлый плащ из грубой шерсти и накинул его на меня. Плащ хранил тепло его тела, запах мужского пота и дождя, и на мгновение мне показалось, что я вдыхаю самую суть этого человека — дикую, горькую, неукротимую.

— Не смотри на меня так, — сказал он тихо, и в его голосе прозвучало что-то, от чего у меня пересохло в горле. — Идём. Пока туман не рассеялся.

Он пошёл вперёд, и я — за ним, вступая в его следы, огромные, продавленные в мокрой земле. Позади оставалась деревня, где догорали очаги и плакали дети. Впереди был Чёрный лес, и замок, и неизвестность.

Туман сомкнулся за нашими спинами, стирая прошлое, как вода стирает кровь с ладоней.

Глава

1.

Чёрный лес

.

Лес встретил нас молчанием.

Такая тишина не бывает в природе, где всегда есть хотя бы шорох мыши или крик совы. Здесь не было ничего. Даже ветер, который ещё час назад трепал вереск на берегу, затих, будто боялся потревожить древние деревья, росшие здесь ещё до того, как первые римляне ступили на землю Альбы.

— Держись близко, — сказал Ангус, не оборачиваясь. — И не гляди по сторонам.

Я послушалась, но всё равно смотрела. Деревья здесь росли кривые, покрытые мхом, который в сумерках казался человеческими волосами. Ветви сплетались над головой в такой густой полог, что даже дневной свет с трудом пробивался сквозь него, а сейчас, когда солнце клонилось к закату, под этим сводом воцарился полумрак — зыбкий, мерцающий, полный теней, которые двигались, когда на них не смотрели.

Тропа, по которой вёл нас Ангус, была почти не различима. Иногда она терялась среди папоротников, иногда уходила в низины, где стояла чёрная вода — не лужи, а что-то глубокое, бездонное, что-то, что смотрело на тебя снизу жёлтыми глазами болотных огней.

— Сколько нам идти? — спросила я шёпотом, хотя не было никого, кто мог бы нас услышать.

— До темноты должны добраться до старой хижины лесника, — ответил Ангус. — Там переночуем. Утром — к замку.

Он говорил спокойно, но я заметила, как его рука легла на рукоять кинжала, висевшего на поясе. Ангус никогда не брался за оружие без нужды. Если он держался за нож, значит, чувствовал опасность там, где я её ещё не видела.

Мы шли ещё час, может, два. Время в этом лесу текло иначе — оно растягивалось, как смола, и сжималось, как пружина. Я начала уставать. Плащ Ангуса, такой тёплый на берегу, теперь казался непомерно тяжёлым, а его запах — слишком густым, слишком мужским, он забивался в ноздри и мешал дышать.

— Отдохни, — сказал Ангус, когда мы вышли на небольшую поляну. Здесь деревья расступались, и сквозь их верхушки был виден кусочек неба — серого, низкого, набухшего дождём.

Он усадил меня на поваленный ствол, сам остался стоять, вглядываясь в темноту между стволами.

— Ангус, — позвала я.

— Ммм?

— Правда ли то, что говорят о замке Гленлит? Что там живут призраки?

Он усмехнулся — коротко, без веселья.

— Призраки живут везде, Элспет. В каждом камне, в каждом ручье, где утонул человек. Боишься ты не мёртвых — ты бойся живых.

— Я и их боюсь, — призналась я. — Иногда мне кажется, что я боюсь всего. С тех пор как... — я запнулась, не в силах

закончить.

С тех пор как я увидела гору тел на поле после битвы. С тех пор как мне пришлось перешагивать через лица людей, которых я знала с детства. С тех пор как я поняла, что Бог или отвернулся от Шотландии, или никогда не смотрел на неё.

Ангус обернулся. И в этот момент — впервые за всё время, что я его знала — я увидела в его глазах не просто заботу, не просто долг. Я увидела боль. Таковую же, как моя. Таковую же глубокую и бездонную.

— Подойди ко мне, — сказал он. Это не было приказом. Это была мольба.

Я встала. Сделала шаг. Второй. Он не двигался, только смотрел, и взгляд его скользил по моему лицу, по шее, по плечам, укрытым его плащом.

— Ты так похожа на свою мать, — произнёс он. — Та же стать, тот же огонь в глазах. Я помню её. И твоего отца. Они любили друг друга так, что земля дрожала.

— Зачем ты это говоришь?

— Затем, — он шагнул ко мне, и теперь между нами было не больше фута, — затем, что я не хочу умирать с этим на языке.

Он поднял руку и коснулся моего лица — тыльной стороной ладони, медленно, так, будто боялся, что я исчезну. Его пальцы пахли дымом и кожей. Они были шершавыми, как кора дерева, и в то же время такими осторожными, что у ме-

ня защищало в глазах.

— Ангус, — прошептала я. — Мы не можем.

— Знаю, — ответил он. — Не можем.

Но он не убрал руку. Наоборот — он провёл большим пальцем по моей скуле, затем по губе, и я почувствовала, как моё тело отвечает на это прикосновение вопреки всему: разуму, страху, памяти о Дункане, висящем на верёвке.

Пошёл дождь.

Сначала редкие капли, потом сплошная стена воды. Она хлестала по листьям, по нашим лицам, затекала за воротник. Ангус взял меня за плечи и притянул к себе, укрывая своим телом — нелепо, бесполезно, потому что промокли мы оба за несколько секунд.

— Нужно укрытие, — крикнул он сквозь шум дождя. — Бежим!

Он схватил меня за руку, и мы побежали — сквозь мокрые папоротники, сквозь лужи, которые хватали за ноги, как руки уопленников. Я спотыкалась, но он не отпускал, тащил меня за собой, и в какой-то момент я перестала понимать, где земля, а где небо, где я, а где он.

Хижина появилась внезапно — маленькая, покосившаяся, с дырявой крышей, но всё же стены. Ангус толкнул дверь, и та со скрипом поддалась. Внутри пахло плесенью и мышами, но было сухо — относительно сухо.

Он втащил меня внутрь и захлопнул дверь, привалив её спиной. Мы стояли в темноте, тяжело дыша, и я слышала,

как вода стекает с его волос, с моих волос, с наших одежд, образуя лужу на земляном полу.

— Ты цела? — спросил он.

— Да, — выдохнула я. — Кажется.

Он отлепился от двери и начал шарить в темноте. Через минуту я услышала, как чиркает кресало, и вот уже загорелся маленький огонёк — он запалил пучок сухой травы, а затем и несколько поленьев, которые нашёл в очаге.

Пламя разгоралось медленно, но скоро осветило хижину: низкий потолок, полку с глиняной кружкой, в углу — тюк сена, прикрытый рваной тканью.

Ангус стоял у огня, повернувшись ко мне спиной. Его рубаха промокла насквозь и облепила спину, обрисовывая каждую мышцу — широкие плечи, узкую талию, сильные руки. Я смотрела на него и не могла отвести взгляд. Впервые я видела его не как воина, не как защитника, не как старшего брата. Как мужчину.

Он обернулся. И всё понял.

— Сними мокрое, — сказал он тихо. — Я не смотрю.

Он отвернулся к стене, и я, дрожа от холода и от чего-то ещё, начала расстёгивать платье. Пальцы не слушались, пуговицы скользили, и наконец я стянула с себя всё — платье, юбки, сорочку — и осталась нагой, стоя на холодном полу, прикрываясь руками, как Ева после грехопадения.

— Я... у меня ничего сухого нет, — сказала я.

— Возьми мою рубаху. Она на мне, но я сниму.

Он стянул рубаху через голову, не оборачиваясь, и протянул мне назад. Я взяла. Ткань была тёплой — горячей — от его тела. Я натянула её через голову, и она упала ниже колен, пахнувшая им, полная его тепла.

— Теперь ты, — сказала я, садясь на сено. — Ты тоже замёрзнешь.

Он повернулся.

И я увидела его — всего, до пояса, потому что ниже он оставался в штанах, промокших и прилипших к ногам. Грудь Ангуса была испещрена шрамами — старыми, белыми, и свежими, розовыми. Один, самый страшный, тянулся от плеча до самого соска — след от сабельного удара, который должен был убить его, но не убил.

— Кто это сделал? — спросила я шёпотом.

— Англичанин при Каллодене, — ответил он. — Я убил его через минуту. Но шрам остался.

Он подошёл к очагу и сел напротив меня, по другую сторону огня. Теперь мы сидели друг против друга, разделённые пламенем, и я видела, как огонь играет на его коже, как блесят капли воды в его волосах, как напряжены его челюсти.

— Ты вся дрожишь, — заметил он.

— Это не от холода.

Наступила тишина. Дождь барабанил по крыше, ветер завывал в щелях, и где-то далеко, очень далеко, послышался звук — низкий, тягучий, похожий на плач.

Волынка.

Я замерла. Ангус тоже.

— Кто бы это мог быть? — прошептала я. — Ведь волынки запрещены. За них вешают.

— Не знаю, — ответил он. — Может, кто-то из горцев. Может, сам дьявол играет по мёртвым.

Звук стих так же внезапно, как и начался. И мы остались вдвоём — в хижине, под дождём, на краю Чёрного леса.

— Иди сюда, — сказал Ангус после долгого молчания.

Он протянул руку. Я взялась за неё, и он притянул меня к себе — на колени, к своей груди, и обнял, сжимая так крепко, будто я была последним живым существом на земле.

Я уткнулась лицом в его шею. Его кожа пахла дождём, дымом и солью. Мои губы коснулись его пульсирующей жилки, и я почувствовала, как он вздрогнул.

— Элспет, — прорычал он. — Не начинай того, что не сможешь закончить.

— А кто сказал, что не смогу? — ответила я, поднимая голову и глядя ему прямо в глаза.

Пламя свечей отразилось в его зрачках двумя бешеными точками.

И он поцеловал меня.

лава

2.

Огонь и плоть

.

Его поцелуй не был нежным.

Он был голодным — как у человека, который слишком долго смотрел на воду в пустыне и наконец припал к ней губами. Ангус целовал меня так, будто хотел выпить досуха, будто от этого поцелуя зависело, взойдёт ли завтра солнце над Шотландией.

Я отвечала ему тем же.

Мои пальцы вцепились в его влажные волосы, спутанные, жёсткие, как грива дикого пони. Он застонал — низко, горланно, и этот звук прокатился по моему телу, как гром над Лох-Нессом. Его руки скользнули под его же рубаху, которую я носила на себе, и когда его ладони — огромные, шершавые — легли на мою обнажённую спину, я выгнулась дугой, прижимаясь к нему всем телом.

— Ты вся горишь, — прошептал он, отрываясь от моих губ и спускаясь поцелуями к подбородку, к шее, к ямке между ключиц. — Как торфяник в сухое лето.

— А ты — как камень, — выдохнула я, чувствуя, как его зубы легонько сжимают мою кожу. — Высекаешь искру.

Он поднял голову и посмотрел на меня — в упор, не мигая. В его серых глазах плескалось что-то первобытное, что-

то такое, от чего у женщин замирало сердце ещё во времена пиктов, когда мужчины уходили на войну и возвращались с добычей или не возвращались вовсе.

— Последний раз спрашиваю, — произнёс он, и голос его сел, превратился в хрип. — Хочешь ли ты этого? Потому что если нет — я уйду в дождь и буду спать под деревом. Но если да...

— Что — если да?

— Если да, то я не отвечаю за себя. Я слишком долго сдерживался, Элспет. Слишком долго смотрел на тебя и делал вид, что ты для меня — только сестра по клану. Это ложь. Всё это ложь.

Я провела пальцами по его шраму — от плеча до груди, медленно, чувствуя каждую неровность рубцовой ткани. Он вздрогнул, и его член, твёрдый, упёршийся в моё бедро через мокрую ткань штанов, дёрнулся в ответ на моё прикосновение.

— Я не хочу, чтобы ты уходил, — сказала я. — Я хочу, чтобы ты остался. Прямо здесь. Прямо сейчас.

Он зарычал — по-настоящему, как зверь, — и в следующее мгновение я уже лежала на спине на сене, а он нависал надо мной, и свет очага рисовал золотые узоры на его плечах, на его груди, на его лице — суровом, красивом, искажённом желанием.

— Сними это, — сказала я, дёргая завязки его штанов. — Сними всё.

Он подчинился. Быстро, нетерпеливо, разрывая тесёмки, потому что пальцы не слушались. И когда он наконец остался таким же нагим, как я, когда я увидела его всего — мощного, готового, с горящим взглядом — у меня перехватило дыхание.

Он был прекрасен. Не той гладкой, прилизанной красотой, которую воспевают поэты, а красотой дикой природы — неровной, опасной, настоящей. Каждый мускул на его теле жил своей жизнью, каждая вена вздувалась от крови, которая стучала в висках, в груди, в паху.

— Боже, — прошептала я. — Ты...

— Не говори, — прервал он меня, наклоняясь так, что его губы коснулись моего уха. — Не говори ничего. Только чувствуй.

Он начал медленно — так медленно, что я чуть не закричала от нетерпения. Его рот путешествовал по моему телу, оставляя влажные следы: шея, ключица, грудь. Когда он взял в губы мой сосок, я вцепилась в сено, зажмурилась и выгнулась навстречу ему, и он засмеялся — тихо, хрипло, довольно.

— Чувствительная, — прошептал он, перекатывая языком твёрдый бутон. — Чувствительная, как кобылка в первую весну.

— Замолчи, — простонала я. — Или делай дело, или...

— Или что?

Он поднял голову и посмотрел на меня с вызовом. Я не

выдержала. Я обхватила его лицо ладонями и притянула к себе, целуя так же жадно, как он целовал меня, кусая его нижнюю губу, всасывая её, пробуя на вкус кровь — сладкую, солёную, живую.

Его рука скользнула между моих бёдер. Я была влажной — так влажно, как не была никогда, даже в самые сокровенные ночи, когда я одна в своей постели представляла себе нечто подобное. Его палец — один, потом два — вошёл в меня легко, без сопротивления, и я вскрикнула, уткнувшись лицом в его плечо.

— Вот так, — прорычал он, двигая пальцами медленно, глубоко. — Вот так, моя bonnie. Я хочу слышать твой голос. Я хочу, чтобы весь этот чёртов лес знал, кому ты принадлежишь этой ночью.

— Я не принадлежу... — начала я, но договорить не успела.

Он убрал пальцы и одним движением вошёл в меня — целиком, глубоко, так, что я вскрикнула уже по-настоящему, вцепившись ногтями в его спину, оставляя на ней алые полосы.

— О, Господи, — выдохнула я.

— Бога здесь нет, — прошептал он, замирая внутри меня, давая мне привыкнуть к его размеру, к его напору. — Есть только мы. Только этот дождь. Только эта ночь.

Он начал двигаться. Сначала медленно — нежно, почти благоговейно. Я чувствовала каждый дюйм его плоти, каж-

дый толчок, каждый вздох, который он выдыхал мне в шею. А потом ритм переменился — стал глубже, резче, безумнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.